

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК
„ПРОФ. ЛЮБОМИР АНДРЕЙЧИН“

Доклади **ТО**

Международната
годишна конференция на
Института за български език
„Проф. Любомир Андрейчин“
София, 2020

II ТОМ

ДОКЛАДИ

**от Международната годишна конференция
на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“
(София, 2020 година)**

II том

BULGARIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE FOR BULGARIAN LANGUAGE PROF. LYUBOMIR ANDREYCHIN

PROCEEDINGS

**of the International Annual Conference
of the Institute for Bulgarian Language
(Sofia, 2020)**

Edited by Vanya Micheva, Diana Blagoeva, Mariyana Vitanova,
Mariyana Tsibranska-Kostova, Sia Kolkovska, Tatyana Aleksandrova

Volume II

Sofia • 2020

Prof. Marin Drinov Publishing House of Bulgarian Academy of Sciences

БЪЛГАРСКА АКАДЕМИЯ НА НАУКИТЕ
ИНСТИТУТ ЗА БЪЛГАРСКИ ЕЗИК „ПРОФ. ЛЮБОМИР АНДРЕЙЧИН“

ДОКЛАДИ

от Международната годишна конференция
на Института за български език „Проф. Любомир Андрейчин“
(София, 2020)

Отговорни редактори: Ваня Мичева, Диана Благоева, Марияна Витанова,
Марияна Цибранска, Сия Колковска, Татяна Александрова

II том

София • 2020

Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“

Адрес:
Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“,
Българска академия на науките
бул. „Шипченски проход“ 52, блок 17
София 1113, България
+359 2/872 23 02

Авторските права на статиите остават собственост на авторите.
Публикациите в Сборника се разпространяват под лиценза
Creative Commons Attribution 4.0. International Licence (CC BY 4.0):
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

Editorial address:
Institute for Bulgarian Language Prof. Lyubomir Andreychin,
Bulgarian Academy of Sciences
52 Shipchenski Prohod Blvd., bl. 17
Sofia 1113, Bulgaria
+359 2/872 23 02

Copyright of each paper stays with the respective authors.
The works in the Proceedings are licensed under a Creative
Commons Attribution 4.0. International Licence (CC BY 4.0):
<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

© Институт за български език „Проф. Любомир Андрейчин“, 2020
© Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“, 2020

ISSN 2683-118X (print)

ISSN 2683-1198 (online)

ТАВТОЛОГИИ *X COPULA X*: ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ БОЛГАРСКОГО, РУССКОГО И ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКОВ)*

Виктория Александровна Лазарева

Университет Салерно

vlazareva@unisa.it

Резюме: В настоящей работе рассматриваются биноминативные тавтологии вида *X copula X* на материале трех языков: болгарского, русского и итальянского. В задачи исследования входит выявление структурных и семантических особенностей базовых структурных реализаций формулы *X copula X* в трех языках, а также верификация формально-семантических корреляций на внутриязыковом и межъязыковом уровнях.

Ключевые слова: тавтологии, сопоставительное исследование, болгарский язык, русский язык, итальянский язык

Введение

В настоящем докладе будут рассмотрены биноминативные тавтологии вида *X copula X*, имеющие давнюю традицию изучения в логико-философских исследованиях и представляющие особый интерес и для лингвистики. Неинформативные с точки зрения логики высказывания в естественном языке получают особую интерпретацию. Разные подходы к способам интерпретации тавтологических построений, отстаивающие порой противоположные позиции¹, выявляют многогранность и емкость данного феномена, затрагивающего семантический, прагматический и синтаксический уровни анализа. На сегодняшний день накоплен опыт описания тавтологий с привлечением данных английского (Wierzbicka 1987, Fraser 1988 и др.), немецкого (Autenrieth 1997, Meibauer 2008), испанского (Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2018); арабского (Fargal 1992), японского (Okamoto 1993), корейского (Kwon 2009), русского (Тулина / Tulina 1970; Николина / Nikolina 1984, Иевлева / Ievleva 2002, Падучева / Paducheva 2004, Вилинбахова, Копотев / Vilinbakhova, Kopotev 2017 и др.), а также болгарского (Леонидова / Leonidova 1978, Ничева / Nicheva 1982, Лазарева, Иванова / Lazareva, Ivanova 2019) языков. Тем не менее интерес к этой теме не угасает, имеются спорные вопросы, появляются новые исследования. Наиболее разработанным на сегодня можно считать коммуникативно-семантический и прагматический аспекты. Перспективным представляется системное изучение синтаксических особенностей и структурной вариантности базовой тавтологической формулы *X copula X* в разных языках, в частности, в межъязыковом ракурсе и с привлечением данных неродственных языков (из последних работ в этом направлении см., например, Escandell-Vidal, Vilinbakhova 2018). Такие данные позволили бы выявить типологическую общность и индивидуальное своеобразие биноминативных тавтологий *X copula X* и, шире, разработать типологию тавтологических конструкций.

Небольшим шагом в этом направлении и будет настоящий доклад, посвященный тавтологиям вида *X copula X* на материале болгарского, русского и итальянского языков. Сопоставление тавтологий трех разноструктурных языков представляется многоаспектной задачей. Здесь будут представлены первые наблюдения, не претендующие на исчерпанность освещения.

В настоящей работе мы ставили перед собой следующие задачи: 1) показать структурные характеристики и особенности базовых тавтологических формул, которые являются и наиболее упот-

* Благодарим анонимных рецензентов за ценные критические замечания.

¹ Критический обзор предложенных подходов см., напр., в Fraser 1988; Gibbs, McCarrell 1990; Rhodes 2009; Вилинбахова, Копотев / Vilinbakhova, Kopotev 2017.

ребительными в трех языках; 2) выявить основные особенности и отличия в употреблении базовых тавтологических формул трех языков в рамках основных значений; 3) проследить наличие формально-семантических корреляций на внутриязыковом и межъязыковом уровнях.

1. О многозначности тавтологий

Прежде чем перейти к непосредственному рассмотрению тавтологических формул следует сказать несколько слов о тех значениях, которые отмечаются у тавтологий на материале разных языков. Не вдаваясь в детальное описание известных семантических интерпретаций и подходов, позволим себе обобщить наблюдения исследователей и обосновать появление разных значений у тавтологий в рамках единой модели.

Н. А. Николиной было замечено, что при всем разнообразии подходов к описанию предложений типа *Жизнь есть жизнь* можно выделить три основные направления в определении их значения: 1) предмет и его признак; 2) значение чистого тождества; 3) многозначность, нейтрализующаяся в контексте (Николина / Nikolina 1984: 39). На наш взгляд эти три значения находятся в тесном взаимодействии. Причем первые два реализуются на ментальном (логико-семантическом) и языковом (синтаксическом) уровнях, а последнее – на речевом, за счет прагматического насыщения первых двух. Так что представляется возможным говорить о многозначности конструкции, обусловленной разными уровнями анализа.

Имплицитные смыслы, возникающие в речи при взаимодействии лексических, синтаксических и коммуникативно-прагматических факторов не исчисляемы (Падучева / Paducheva 2004: 106). Между тем потенциальные значения, обусловленные логико-синтаксической структурой тавтологической формулы, можно описать, они будут производными от инвариантного семантического значения. Мы рассмотрим их далее (в разделе 3).

Продуктивным для толкования тавтологий представляется синтаксический подход, позволяющий проводить растождествление компонентов структуры по референциальному признаку и обосновать информативность тавтологий с позиций субъектно-предикатного отношения (Тулина / Tulina 1970, Николина / Nikolina 1984, Autenrieth 1997). Референциальная характеристика предполагает учет семантико-прагматической информации, которая в артиклевых языках выражается грамматически, при помощи артиклей. С этой точки зрения предлагаемый в данной работе набор языков представляет особый интерес. Русский язык является безартиклевым, итальянский язык располагает развитой артиклевой системой, а в болгарском языке отсутствует полярное противопоставление определенный / неопределенный артикль вследствие недостаточной грамматикализации лексемы *един* как неопределенного артикля. Так, например, грамматическое оформление тавтологий в стандартном для болгарского языка варианте последовательно отражает семантико-референциальную неравноправность компонентов, где обязательная детерминированность первого имени и общая форма второго согласуется с общеязыковыми правилами. Именно общая форма имени в болгарском наиболее отчетливо противопоставлена определенной как обращенная не к денотативному, а к сигнификативному аспекту семантики слова: *Животът си е живот, едновременно нищожен и скъпоценен* (БНК). ‘Жизнь есть жизнь, одновременно ничтожна и драгоценна’². В общем случае статус первого компонента соответствует неререферентному (родовому/универсальному) употреблению, а статус второго – предикатному. В терминологической системе Е. В. Падучевой (Падучева / Paducheva 1985: 86 – 101), на которую мы опираемся, неререферентные родовые именные группы позволяют говорить о классе объектов на примере одного представителя; универсальные употребления предполагают отсылку к неопределенному множеству объектов, сформированному по интенциональному признаку; предикатные – приписывают признак. А поскольку родовой статус не

² Иллюстративный материал в данной работе представлен примерами из лингвистических корпусов: Болгарского национального корпуса (БНК, www.ibl.bas.bg), Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru), корпуса публицистических текстов итальянского языка „La Repubblica Corpus“ (LRC, <http://sslmit.unibo.it/repubblica>), в небольшой мере – из других интернет-источников (И) и художественных произведений.

соотносим с предикатами временного состояния, далее будут рассмотрены конструкции со связкой в настоящем времени. Компоненты тавтологий могут получать и иную референциальную характеристику, что соотносится с иными семантическими типами, которые исключаются из рассмотрения в данной работе.

Возвращаясь к прагматической (инференциальной) многозначности тавтологий, сошлемся на наблюдение А. Вежбицкой о том, что тавтологии представляют собой не сообщения о фактах, а сообщения об отношении к действительности (Wierzbicka 1987: 99). Полагаем, что при помощи тавтологий говорящий выражает отношение к действительности, опосредованное ее нормативным представлением. Иными словами, некое событие (действие, состояние) оценивается как соответствующее общему порядку вещей, норме. Норма может определяться законами природы, нравственными (морально-этическими, религиозными), общекультурными и частными установками и ценностными ориентациями, что обуславливает инференциальную многозначность и лингвоспецифичность таких построений. С другой стороны, норма связана с ощущением истинности, правильности, что определяет коммуникативные функции тавтологий в речи (аргументативная функция; маркер закрытия темы (Тулина / Tulina 1970, Levinson 1983)).

Опосредованность нормой позволяет обосновать и те значения, которые традиционно приписываются тавтологиям. Нормативный содержательный план, как один из типов скрытой семантики³, представляется Т. М. Николаевой в виде трехслойной модели, основанной на взаимодействии следующих категориальных компонентов: 1. Объективная реальность (алетические, неоспоримые факты). 2. Прескрипционные установки (деонтологические факты), которые во многом строятся на алетических фактах. 3. Оценочность (аксиологический компонент). Причем оценка может как основываться на норме, так и прикрываться ею (Николаева / Nikolaeva 2005: 90). Сказанное согласуется с основными прагматическими значениями, выделяемыми для тавтологий на материале разных языков, в частности: 1) Примирение с действительностью (Николина / Nikolina 1984: 45) – в иной терминологии, „трезвое / реалистичное отношение к событиям жизни“, „терпимость“ (Wierzbicka 1987: 105 – 106; Падучева / Paducheva 2004: 104), „принятие / смирение“ (acceptance / resignation) (Rhodes 2009: 3), „толерантность“, „фаталистические тавтологии“ (tolerance, fatalistic tautologies) (Farghal 1992). Это значение может варьировать от благосклонного до вынужденного примирения с негативными явлениями действительности, принятия явления как типичного – вплоть до оправдательной семантики. 2) Прескриптивное значение. Например, в тавтологиях о необходимости выполнять свой долг или, в трактовке А. Вежбицкой, тавтологиях долженствования (*tautologies of obligation*): *Закон есть закон. Приказ есть приказ* (Wierzbicka 1987: 107; Булыгина, Шмелев / Bulygina, Shmelev 1997: 506). 3) Акцентирование нормативной ценностной ориентации (положительной, отрицательной, усредняющей).

2. Базовые модели тавтологий в трех языках. Формальный аспект

В разных языках на уровне структуры биноминативные тавтологии, в основе которых лежит прототипическая тавтологическая формула $X \text{ copula } X$, могут обнаруживать отличия в плане: а) оформления опорных компонентов (артиклевое маркирование, число, падежные формы); б) лексико-грамматического варьирования связочного компонента (время, наклонение); 3) включения в конструкцию дополнительных элементов (наречий, частиц, иных распространителей). Дополнительные элементы могут носить облигаторный (как, например, частица *си* в болгарских тавтологиях вида $X \text{ си } e X$) или факультативный характер. Сообразно задачам настоящей работы, нас будут интересовать только облигаторные дополнительные компоненты в составе наиболее употребительных базовых конструкций на материале трех языков⁴.

³ В теории пресуппозиций это будет соответствовать прагматическим пресуппозициям, импликациям, конвенциональным импликациям, конверсационным (контекстуальным) импликациям (Николаева / Nikolaeva 2005: 91).

⁴ О роли факультативных распространителей в составе конструкции или в ближайшем контексте на материале болгарского языка см. Лазарева, Иванова / Lazareva, Ivanova 2019: 588 – 589.

2.1 Болгарские тавтологии

Стандартный для болгарского языка вариант представлен формулой $X_{ART.DET}(ci) e X_{\emptyset}$ (*войната си е война* 'война есть война'), обнаруживающий варьирование на уровне дополнительного элемента – модально-удостоверяющей частицы *си*⁵. В работе (Лазарева, Иванова / Lazareva, Ivanova 2019) было показано, что речь идет о двух разных конструкциях ($X_{ART.DET} ci e X_{\emptyset}$; $X_{ART.DET} e X_{\emptyset}$), каждая из которых имеет свои особенности в лексико-грамматическом, семантическом и дискурсивном аспектах. Полифункциональная частица *си* в тавтологиях реализует две основные функции, привнося в толкование конструкции значение: а) присущности, неизменности положения дел; б) непреложности суждения: *Но фактът си е факт, той не може да се оспори* (БНК). 'Но факт есть факт, он не может быть оспорен'⁶. В плане артиклевого маркирования анализ показал идентичность оформления для обеих моделей болгарского языка, связанную с единообразием вариантов выбора категорий X-а (именные группы родового или универсального статуса) и отсутствием артиклевой маркировки второй именной группы, обозначающей свойство. Такое грамматическое оформление, как мы уже отметили, соответствует общезыковым правилам употребления артиклей в болгарском языке.

Вообще говоря, для болгарских тавтологий допускается и иное артиклевое маркирование. Однако такие варианты носят окказиональный характер, что не позволяет сделать обоснованные выводы о потенциальных структурно-семантических корреляциях. Сошлемся на следующие статистические данные в нашем распоряжении. Полная выборка тавтологий из Болгарского национального корпуса⁷ включает 4955 вхождений модели $X_{ART.DET} ci e X_{\emptyset}$. Вариант с нулевым маркированием первого компонента ($X_{\emptyset} ci e X_{\emptyset}$) насчитывает 14 вхождений, а с неопределенным артиклем *един* ($X_{ЕДИН} ci e X_{\emptyset}$) – всего 7. Например: *Дойдох до заключение, че човек си е човек, слабо същество, нищо отрицателно и подло не му е чуждо*. 'Я пришел к заключению, что человек это всего лишь человек, слабое существо, ничто отрицательное и подлое ему не чуждо'; *Един закон си е закон и той трябва да се изпълнява*. 'Закон есть закон и он должен выполняться'. Полагаем, что такое варьирование обусловлено способностью неопределенного и нулевого артиклей оформлять именные группы в нереперентном родовом употреблении. Допускается также варьирование в артиклевом маркировании второго компонента, но и такие примеры, по данным корпуса, единичны. Конструкция с оформлением второго компонента словом *един* ($X_{ЕДИН} ci e X_{ЕДИН}$) насчитывает 6 вхождений. Причем, как правило, дублируется *един* в значении числительного, ср.: *Един месец си е един месец, а тези деца имат нужда от учител сега*. 'Один месяц – это [все-таки] один месяц, а этим детям учитель нужен сейчас'. Вариант с определенной формой второго компонента ($X_{ART.DET} ci e X_{ART.DET}$) насчитывает всего 2 употребления: *Животът си е животът*, па бил той и свински. 'Жизнь это [все-таки] жизнь, хотя бы и свиная'.

Включение дополнительного модального компонента в обязательные элементы конструкции является особенностью болгарского языка, но не русского или итальянского.

2.2 Русские тавтологии

В русском языке базовая реализация формулы представлена двумя моделями, обнаруживающими варьирование на уровне связочного компонента: *X есть/это X (война есть/это война)*⁸. Синтаксический анализ двух конструкций проводится в работе (Вилинбахова, Копотев / Vilinbakhova, Koptev 2017: 121). Авторы замечают, что *X есть X* восходит к индоевропейской модели, но не является типологической параллелью структурно близким тавтологиям других языков, поскольку выраженная связка *есть* в современном русском языке является маркированной. Конструкцию *X – это X* также нельзя считать аналогом тавтологий в европейских языках, поскольку в ее составе имеется неглагольный элемент *это*.

⁵ Этимологически частица *си* связана с краткой формой дательного падежа возвратного местоимения *си* 'себе'.

⁶ Подробнее о роли частицы *си* в тавтологиях см. Лазарева, Иванова / Lazareva, Ivanova 2019.

⁷ Выборка была сделана и любезно предоставлена в наше распоряжение Ивелиной Стояновой, сотрудником Секции по компьютерной лингвистике Института болгарского языка, за что сердечно ее благодарим.

⁸ Допускаются другие варианты связок (*X всегда/везде/и в Африке/и есть X* и др.), но они менее частотны и имеют более узкое, специализированное значение.

2.3 Итальянские тавтологии

Для тавтологий итальянского языка, в отличие от болгарского, отмечена активная реализация полной артиклевой парадигмы (определенный – *il/lo, la*; неопределенный – *un/uno, una*; нулевой артикли) как для первого, так и для второго компонентов. Связочный компонент – глагол *essere* ‘быть’, в наших примерах в форме 3 лица ед. ч. настоящего времени – *è*. Ассиметричное грамматическое оформление опорных именных групп допустимо только в сочетании с нулевой формой правого компонента: $X_{ART,DET} \dot{e} X_{ART,DET/\emptyset}$ (*la guerra è (la) guerra*); $X_{ART,INDF} \dot{e} X_{ART,INDF/\emptyset}$ (*una guerra è (una) guerra*); $X_{\emptyset} \dot{e} X_{\emptyset}$ (*guerra è guerra*). Вариативность в артиклевом маркировании согласуется с общеязыковыми правилами оформления именных групп в родовом/универсальном и предикатном употреблении. Родовое, или генерическое, употребление в итальянском языке может маркироваться как определенным, так и неопределенным артиклем. Генерическое употребление неопределенного артикля более ограничено в сравнении с употреблением определенного артикля с тем же значением. Важно подчеркнуть, что генерическая интерпретация именной группы с неопределенным артиклем имплицитно модальное – „деонтическое“ (или „эпистемическое“) – прочтение суждения. В этом случае предикат эксплицитно некоторые из ингерентных, необходимых признаков субъекта (Renzi 2001: 387), что согласуется с общей семантикой тавтологий. Предикатная именная группа с неопределенным артиклем используется при типичных употреблениях, указывающих на вхождение в класс, а характеризующие смыслы оформляются, в общем случае, безартиклевыми ИГ. Другие особенности артиклевых корреляций будут прокомментированы далее.

Таким образом, болг. *Войната (си) е война* и рус. *Война есть/это война* могут иметь пять потенциальных соответствий в итальянском языке: *La guerra è la guerra*; *La guerra è guerra*; *Una guerra è una guerra*; *Una guerra è guerra*; *Guerra è guerra*.

3. Базовые тавтологические формулы в трех языках. Формально-семантические и функциональные параллели

Мысль о наличии определенной связи между формальными параметрами модели и ее семантическим толкованием впервые была высказана в работе А. Вежбицкой (Wierzbicka 1987), выступившей с резкой критикой против толкования тавтологий исключительно с позиций „радикально прагматического“ подхода (Грайс / Grays 1985: 229; Levinson 1983), предполагающего возможность универсальной интерпретации данных моделей в разных языках. Критики подхода Вежбицкой отметили неубедительность и отсутствие системности в описываемых автором формально-семантических корреляциях (см., напр., Fraser 1988: 217; Meibauer 2008: 443). В самом деле, проведенный нами анализ употреблений тавтологий в трех языках показал многозначность тавтологических формул, а также подтвердил возможность реализации одного и того же значения разными лексико-грамматическими вариантами конструкции (особенно это касается итальянского языка). Срв., например, разные артиклевые варианты при общности имплицитной: (а) *Una gara è una gara, può succedere di tutto* (И). ‘Соревнование есть соревнование, может случиться что угодно’; (б) *Una gara è gara e l'imprevisto è dietro l'angolo* (И). ‘Соревнование есть соревнование и неожиданность [может быть] за углом’. Тем не менее мы считаем, что применение принципов подхода А. Вежбицкой в межъязыковом ракурсе может дать интересные результаты.

Рассмотрим основные типы значений, выделяемые для тавтологий разных языков и восходящие к семантическому инварианту формулы, который мы определили, как: *присущность X-у (как представителю класса одноименных объектов или как категории в целом) ингерентных сущностных признаков*⁹. В соответствии со своими коммуникативными намерениями, говорящий может ак-

⁹ В поисках семантического инварианта А. Вежбицкая включает в толкование конструкции такие понятия, как: идентичность (индифференцированность), неизменность и неопровержимость, срв.: „An X is not different from other X's (all X's are the same). This cannot change. This cannot be denied. (Nobody could say that this is not true.)“ (Wierzbicka 1987: 109). Цитируем также значение, приписываемое Е. В. Падучевой тавтологической конструкции как целому – „ожидаемость, очевидность наличия у x-а некоторого свойства, вытекающая из его принадлежности к категории X (или просто свойства у категории)“ (Падучева / Paducheva 2004: 107).

центрировать разные аспекты этого значения, выражать свое отношение к действительности, достигая нужного прагматического эффекта. При этом он задает модальную рамку интерпретации высказывания. Диапазон модальных значений, как мы уже сказали, определяется скрытым нормативным содержательным планом и может варьировать от алетической до прескриптивной и аксиологической модальности. Дополнительные прагматические смыслы могут наслаиваться, варьировать от формулы к формуле. В значительной мере они определяются контекстом, поэтому их уточнее и дифференциация представляется не продуктивной.

Перечисленные ниже значения мы проверили на возможность их реализации тавтологиями каждого из рассматриваемых языков и на наличие ограничений структурного (грамматического) и дискурсивного планов. Приведем полученные результаты.

(1) Акцентирование ингерентного характера признака. Говорящий оценивает некое событие, частное проявления X-а, как типичное, ожидаемое для объектов одноименного класса/категории. Особенность таких употреблений состоит в том, что любой признак может возводиться в статус ингерентного за счет генерализирующей семантики формулы. Как правило, данное значение чаще реализуется в болгарском языке конструкцией с *си*: *Аз не съм злодей, но войната си е война!* (БНК). ‘Я не злодей, но война есть война!’; а в русском – со связкой *есть*: *В типографии появились случаи дистрофии. Война есть война* (НКРЯ). Для итальянских тавтологий формальных корреляций не наблюдается: *Fame, freddo, paura e file interminabili di profughi La guerra è guerra, potrebbero obiettare in molti* (LRC). ‘Голод, холод, страх и бесконечные очереди беженцев... Война есть война, могли бы возразить многие’; *La guerra è la guerra, si soffre, si uccide, si muore. Da entrambe le parti. Una cosa normale* (LRC); ‘Война есть война, [на войне] страдают, убивают, умирают. Обе стороны. Обычное дело’.

(2) Соответствие X-а общему представлению об эталонном представителе класса, с имплицитным модальным компонентом ‘X – настоящий X’.

Это значение в болгарском языке выражается конструкцией без *си* – *X е X*. В ряду грамматических и дискурсивных особенностей данной модели, отличающих ее от *X си е X* отмечаются: а) отсутствие ограничений на парадигматическое варьирование связки; б) отсутствие ограничений на неутвердительные статус пропозиции (вопрос, отрицание); в) возможность вступать в отношения логической обусловленности (введение ограничивающих условий) (Лазарева, Иванова / Lazareva, Ivanova 2019): *<...> актьорът е актьор, когато играе, а не когато философства ...* (БНК). ‘Актер является актером, когда играет, а не когда философствует’; *Това бе по времето, когато джазът бе джаз, а не просто много шум* (БНК). ‘Это было в те времена, когда джаз был действительно джазом, а не просто скоплением шума’ (БНК); *без компас корабът не е кораб* (БНК). ‘Без компаса корабль – это [уже] не корабль’.

Как видно из переводов примеров на русский язык, это значение не характерно для конструкции *X есть X*, которая коррелирует с утвердительным статусом пропозиции и, подобно болгарской *X си е X*, не допускает временного варьирования связки, отрицания и контекстов логической обусловленности. Срв. редкое употребление: *Шпион есть шпион по своей метафизической сущности, он может не вести никакой особой шпионской деятельности* (НКРЯ). Для выражения данного значения лучше подходит конструкция со связочным глаголом *являться*, как показателем особого вида характеризующей предикации. Такая связка соединяет обозначение конкретного объекта (класса объектов) с признаковой именной группой с вершиной, образованной именем номинального класса (Шатуновский / Shatunovskii 1996: 46). В примере ниже слово *человек* реализует в левой части конструкции значение естественного класса, а в правой – номинального, срв.: *Человек является человеком потому, что ничего, кроме этого мира, не видит* (НКРЯ).

В итальянском языке в этом значении второй компонент конструкции имеет ограничение на нулевую форму (единственный допустимый способ артиклевое маркирование второго компонента при неутвердительном статусе пропозиции): *L'amore è amore, quando è incondizionato* (LRC). ‘Любовь является любовью, когда она безусловная’; *la vita non è vita senza Dio* ‘Жизнь без Бога – это не жизнь’ (И); *se un amico è amico, si pu rimediare a tutto* (И). ‘Если друг действительно друг, все можно исправить’.

(3) Дискретность границ категории (признаков определенного класса объектов). Одна из основных импликаций в таких тавтологиях сводится к указанию на „качественный предел“ (Иевлева / Ievleva 2002: 49), необходимость воспринимать X как X и никак иначе ‘X это только X’, т.е. должным образом (как в положительном, так и в отрицательном смысле).

Для выражения данного значения в болгарском языке предпочтительной оказывается конструкция без *си* – *X е X*. Возможно, устранение *си* соотносимо с необходимостью узкой (приближающейся к словарной) интерпретации термина, без коннотативно-ассоциативного расширения: *Двойните аршини са недопустими, ..., крадецът е крадец, агресорът е агресор ...* (БНК). ‘Двойные стандарты недопустимы, вор – это вор, агрессор – это агрессор’.

В русском языке, из рассматриваемых нами моделей, значение дискретности лучше передается конструкцией *X это X*, срв.: <...> *война – это война, тут все однозначно, а мирное или полумирное время всегда с одним и тем же соотношением хорошего и плохого, черного и белого и так далее, неоднозначное* (НКРЯ); – *Представим, что ты садишься за ноутбук, и понимаешь, точно не хочешь работать над проектом? Как быть? – Иногда работа – это работа! Даже когда вы любите то, что делаете...* (И). По наблюдениям М. Х. Иевлевой, для установления „качественного предела“ лучше приспособлена формула *X он и есть X*: *Новости не бывают хорошими. Новости, они и есть новости* (Иевлева / Ievleva 2002: 50).

В итальянском языке нет ограничений на артиклевое оформление первого компонента, для второго предпочтительна нулевая форма, как типичная для передачи характеризующих смыслов, а также исключая дополнительные семантические наслоения (оценочные смыслы)¹⁰: *Gara è gara. Si vince o si perde* ‘Соревнование это соревнование. [Тут] либо побеждаешь, либо проигрываешь’ (И); *Un lavoro è lavoro e stop, se non è pagato è un regalo punto e basta* (И). ‘Работа – это работа и стоп, если она не оплачивается – это подарок, точка’.

(4) Равноценность членов категории (*category immutability* (Okamoto 1993); *indifference tautologies* (Wierzbicka 1987)). Все члены класса/категории одинаковы как обладающие необходимыми сущностными признаками.

В болгарском языке в этом значении может использоваться конструкция с *си*: *За мен банката си е банка, без разлика коя* (БНК). ‘Для меня банк он и есть банк, без разницы какой’. Именно в этом значении встретилось редкое маркирование первого компонента словом *един*. Возможно, это связано с имплицитно заложенной здесь идеей множества (все элементы множества идентичны): *Та струва ми се, че един републиканец си е републиканец. – Грешите, господин барон. Нашите републиканци въобще не приличат на тез от другите страни...* (БНК). ‘Сдается мне, что республиканцы, они и в Африке республиканцы. – Ошибаетесь, господин барон. Наши республиканцы вообще не похожи на тех, что из других стран...’.

В русском языке это значение не характерно для конструкций *X есть/ это X*. Как видно из переводов болгарских и итальянских примеров, оно может передаваться другими построениями (*X он и есть X; X он и в Африке X*).

В итальянском языке не отмечено предпочтение в грамматическом оформлении компонентов: *“Come lo vuoi il caffè? Un caffè... normale. Silvana sorride: Hai ragione in fondo un caffè è un caffè, ma sai qui a Roma l’abbiamo ristretto, lungo, macchiato caldo o freddo...”* (P.Turitto). ‘Ты какой кофе будешь? Кофе... нормальный. Сильвана улыбнулась: Ты прав, кофе он и есть кофе, но, знаешь, здесь в Риме у нас есть ристретто, лунго, с молоком холодным или горячим...’; *Uno dice la nebbia è nebbia invece no. Quella di qui non è come quella vostra* (И). ‘Кто-то скажет, туман он и есть туман, однако нет. Тот, что здесь, не такой, как у вас’.

(5) Неизменность (сохранение) сущностных категориальных признаков. Предпосылкой для актуализации этого значения может послужить какая-либо нестандартная ситуация, условия, в которой можно было бы ожидать утрату X-ом сущностных категориальных признаков.

В болгарском языке с этим значением может употребляться конструкция *X си е X*, где частица *си* реализует одно из своих модальных значений „присущности“ и „неизменности положения дел“ (Иванова, Петрова / Ivanova, Petrova 2017: 94 – 95). Например: *И в най-големия разкош пленникът си е пленник* (БНК). ‘Даже в самой большой роскоши пленник остается пленником’; *Шпионинът си е шпионин, все едно как го наричаш* (БНК). ‘Шпион остается шпионом, как его не назовешь’.

¹⁰ В итальянском языке артикли могут привносить оценочные смыслы: определенный артикль коррелирует с высокой оценкой (*Il caffè è il caffè e deve essere buono* (И). ‘Кофе – это кофе и должно быть вкусным’), а неопределенный артикль – с медиокративной, усредняющей (*Una legge è una legge, e non può essere esauistica* (И); ‘Закон – это всего лишь закон, и он не может быть исчерпывающим’).

В русском языке с этим значением используется конструкция с глаголом *X остается X-ом*, как и в итальянском – *X rimane 'остается' X*.

Таким образом, помимо частных лингвоспецифических особенностей (как, например, отмеченное только для болгарской формулы *X си е X* значение неизменности существенных признаков; или нехарактерное для русских формул (*X есть / это X*) значение равноценности членов категории), были выявлены некоторые межъязыковые корреляции. В частности функциональное соответствие между конструкцией болгарского языка *X си е X* и русской моделью *X есть X*. Полагаем, что модально-удостоверяющая частица *си* имеет в тавтологиях функциональную нагрузку, которая в русском языке реализуется связкой *есть* (индикативность, непреложность суждения). Наш материал показывает, что отсутствие частицы *си* в составе тавтологии соотносимо с более узкой, приближенной к словарной, трактовкой понятия, соотносимого с X-ом. Стремление к дискретности в контексте тавтологий коррелирует в русском языке со связкой *это* (*X – это X*), а в итальянском – с нулевой артиклевой формой правого компонента. Анализ итальянских конструкций на данном этапе исследования не выявил других четких семантико-функциональных корреляций. Единственное значение, накладывающее ограничение на оформление второго компонента конструкции, связано с актуализацией имплицитного компонента *X – [настоящий] X*. Существенным критерием для трех языков, влияющим на выбор конструкции, оказывается также статус пропозиции (утвердительный/неутвердительный).

Цитирана литература / References

- Булыгина, Шмелев 1997: Булыгина, Т. В., А. Д. Шмелев. *Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)*. Москва: Школа „Языки русской культуры“. (Bulygina, Shmelev 1997: Bulygina, T. V., A. D. Shmelev. *Iazykovaia kontseptualizatsiia mira (na materiale russkoi grammatiki)*. Moskva: Shkola “Iazyki russkoi kul’tury”.)
- Вилинбахова, Копотев 2017: Вилинбахова, Е. Л., М. В. Копотев. – „X есть X“ значит „X это X“? Ищем ответ в синхронии и диахронии. – В: *Вопросы языкознания*, № 3, с. 110 – 124. (Vilinbakhova, Kopotev 2017: Vilinbakhova, E. L., M. V. Kopotev. “X yest’ X” znachit “X eto X”? Ishchem otvet v sinkhronii i diakhronii. – In: *Voprosy iazykoznanii*. № 3, pp. 110 – 124.)
- Грайс 1985: Грайс, Г. П. Логика и речевое общение. – В: *Новое в зарубежной лингвистике*, № 16, с. 217 – 237. (Grais 1985: Graiss, G. P. Logika i rechevoe obshchenie. – In: *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*, № 16, pp. 217 – 237.)
- Иванова, Петрова 2017: Иванова Е. Ю., Г. М. Петрова. Болгарские возвратные клитики *се* и *си*: омонимия, полисемия, синтаксис. – В: *Вопросы языкознания*, № 1, с. 74 – 104. (Ivanova, Petrova 2017: Ivanova, E. Yu., G. M. Petrova. Bolgarskie vozvratnye klitiki *se* i *si*: omonimiya, polisemiya, sintaksis. – In: *Voprosy iazykoznanii*, № 1, pp. 74 – 104.)
- Иевлева 2002: Иевлева, М. Х. *Базисные концепты ментального мира человека (на материале тавтологий типа Жизнь есть жизнь)*. Уфа: Башк. гос. ун-т. (Ievleva, M. Kh. *Bazisnye kontsepty mental’nogo mira cheloveka (na materiale tavitologii Zhizn’ est’ zhizn’)*. Ufa: Bashk. gos. un-t.)
- Лазарева, Иванова 2019: Лазарева, В. А., Е. Ю. Иванова. Тавтологии X copula X в болгарском языке в свете корпусных данных: лексика, грамматика, вариантность. – В: *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*, № 16 (4), с. 576 – 598. (Lazareva, Ivanova 2019: Lazareva, V. A., E. Ju. Ivanova. Tavitologii X copula X v bolgarskom jazyke v svete korpusnyh dannyh: leksika, grammatika, variantnost’. – In: *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura*, № 16 (4), pp. 576 – 598.)
- Леонидова 1978: Леонидова, М. Фразеосхема как лингвистическая единица промежуточного синтаксико-фразеологического уровня (на материале русского и болгарского языков). – В: *Славянская филология*, т. 15 (Езикознание), с. 219 – 229. (Leonidova 1978: Leonidova, M. Frazeoskhema kak lingvisticheskaia edinitsa promezhutochnogo sintaksiko-frazeologicheskogo urovnia (na materiale russkogo i bolgarskogo iazykov). – In: *Slavyanska filologiya*, t.15 (Ezikoznanie), pp. 219 – 229.)
- Николаева 2005: Николаева, Т. М. *Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков)*. Москва: Едиториал УРСС. (Nikolaeva 2005: Nikolaeva, T. M. *Funksii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavianskikh iazykov)*. Moskva: Editorial URSS.)
- Николина 1984: Николина, Н. А. Структурно-семантические особенности предложений типа „Жизнь есть жизнь“. – В: *Предложение как многоаспектная единица языка*. Москва: МГПИ им. В. И. Ленина, с. 38 – 46. (Nikolina 1984: Nikolina, N. A. Strukturno-semanticheskie osobennosti predlozhenii tipa “Zhizn’ est’ zhizn’”. – In: *Predlozhenie kak mnogoaspektnaia edinitsa iazyka*. Moskva: MGPI im. V. I. Lenina, pp. 38 – 46.)

- Ничева 1982: Ничева, К. Фразеосхеми (фразеологизирани конструкции) в българския език. – В: *Език и литература*, кн. 5, с. 29 – 44. (Nicheva 1982: Nicheva, K. Frazeoshemi (frazeologizirani konstruktсии) v balgarskiya ezik. – In: *Ezik i literatura*, kn. 5, pp. 29 – 44.)
- Падучева 1985: Падучева, Е. В. *Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*. Москва: Наука. (Paducheva 1985: Paducheva, E. V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu (referentsial'nye aspekty semantiki mestoimenii)*. Moskva: Nauka.)
- Падучева 2004: Падучева, Е. В. *Динамические модели в семантике лексики*. Москва: Школа „Языки славянской культуры“. (Paducheva 2004: Paducheva, E.V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moskva: Shkola “Iazyki slavianskoi kul'tury”.)
- Тулина 1970: Тулина, Т. А. Типы предложений с тавтологией главных членов в русском языке. – В: *Исследования по современному русскому языку*. Москва: Изд-во Моск. ун-та, с. 241 – 256. (Tulina 1970: Tulina, T. A. Tipu predlozhenii s tautologiei glavnykh chlenov v russkom iazyke. – In: *Issledovaniia po sovremennomu russkomu iazyku*. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, pp. 241 – 256.)
- Шатуновский 1996: Шатуновский, И. Б. *Семантика предложения и нерелевантные слова: Значение, коммуникативная перспектива*. Москва: Языки русской культуры. (Shatunovskii 1996: Shatunovskii, I. B. *Semantika predlozheniia i nerelevantnye slova: Znachenie, kommunikativnaia perspektiva*. Moskva: Iazyki russkoi kul'tury.)
- Autenrieth 1997: Autenrieth, T. Tautologien sind Tautologien. – In: *Pragmatik. Implikaturen und Sprechakte*. Rolf E. (Ed.). Linguistische Berichte Sonderhefte 8. Opladen: Westdeutscher Verlag, pp. 12 – 32.
- Bulhof, Gimbel 2001: Bulhof, J., S. Gimbel. Deep tautologies. – In: *Pragmatics & Cognition*, № 9. pp. 279 – 291.
- Escandell-Vidal, Viliinbakhova 2018: Escandell-Vidal, V., E. Viliinbakhova. Coordinated tautologies in Spanish and Russian. – In: *Intercultural Pragmatics*, vol. 15 (3), pp. 315 – 348.
- Farghal 1992: Farghal, M. Colloquial jordanian arabic tautologies. – In: *Journal of Pragmatics*, № 17, pp. 223 – 240.
- Fraser 1988: Fraser, B. Motor oil is motor oil: An account of English nominal tautologies. – In: *Journal of Pragmatics*, № 12, pp. 215 – 220.
- Gibbs, McCarrell 1990: Gibbs, R. W., N. S. McCarrell. Why boys will be boys and girls will be girls: Understanding colloquial tautologies. – In: *Journal of Psycholinguistic Research*, № 2 (19), pp. 125 – 145.
- Kwon 2009: Kwon, I. A tautology is a tautology: specificity and categorization in nominal tautological constructions. – In: *The Proceedings of 35th Berkeley Linguistics Society Annual Meeting*. Berkeley: University of California, Berkeley. <https://kwoniks.files.wordpress.com/2011/11/bls35_kwon.pdf> [10.01.2020].
- Levinson 1983: Levinson, S. *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Meibauer 2008: Meibauer, J. Tautology as presumptive meaning. – In: *Pragmatics and Cognition*, № 16: pp. 439 – 470.
- Renzi et al. 2001: Renzi, L., G. Salvi, A. Cardinaletti. *Grande grammatica italiana di consultazione*. Vol. 1: La frase. I sintagmi nominale e preposizionale. Bologna: Il Mulino.
- Rhodes 2009: Rhodes, R. *A Cross-linguistic comparison of tautological constructions with special focus on English*. Unpublished Ms. University of California, Berkeley. < www.linguistics.berkeley.edu/~russellrhodes/pdfs/taut_qp.pdf> [10.01.2020].
- Wierzbicka 1987: Wierzbicka, A. Boys will be boys: ‘radical semantics’ vs. ‘radical pragmatics’. – In: *Language*, Vol. 63, № 1, pp. 95 – 114.

TAUTOLOGIES X COPULA X: EXPERIENCE OF COMPARATIVE RESEARCH (BASED ON BULGARIAN, RUSSIAN AND ITALIAN LANGUAGES)

Viktoria A. Lazareva
University of Salerno

vlazareva@unisa.it

Abstract: The present article investigates the tautologies of the type *X copula X* in three languages (Bulgarian, Russian and Italian). The main purpose of the paper is to determine the formal and semantic features of the formula *X copula X* in the three languages as well as cross-linguistic correlations of the most productive tautological patterns.

Key words: *tautologies, crosslinguistic comparison, Bulgarian, Russian, Italian*

Viktoria A. Lazareva
University of Salerno
132, Via Giovanni Paolo II
Fisciano (SA) 84084
Italia